

В. П. ТРОИЦКИЙ

О борьбе с природой и еще кое о чем (к истории одной публикации М. Горького) *

Читатели, окинувшие взором данный заголовок, вовсе не обязаны тут же сообразить, что он образован из названий двух публицистических статей, которые были практически одновременно написаны М. Горьким без малого семьдесят лет назад. Она из них называлась «О борьбе с природой», другая — «Об анекдотах и еще кое о чем». Но мы избавили заголовок наших заметок от кавычек, отсылающих к первоисточникам. Тем самым он лишился чисто архивного звучания, хотя речь еще будет идти об архивных изысканиях, и получил определенный самостоятельный смысл. Так что «дела давно минувших дней» пусть будут своеобразным символическим подтекстом для текста, в конце-то концов писавшегося на потребу дня нынешнего.

Но говорить нам придется больше о прошлом. Занимаясь изучением творческого наследия выдающегося отечественного мыслителя А. Ф. Лосева и выявлением различных подробностей его многотрудной жизни, автор сих строк не мог пройти однажды мимо одного малоизвестного эпизода из биографии Горького. Речь идет об упомянутой статье «О борьбе с природой», которая была опубликована одновременно в газетах «Правда» и «Известия» 12 декабря 1931 г. Именно здесь классик социалистического реализма упомянул о «профессоре философии Лосеве» и привел несколько выдержек из весьма загадочной «рукописной копии нелегальной брошюры» его с несколько странным (для тех, кто знает творчество Лосева) названием «Дополнение к диалектике мира». Долгие годы это упоминание и эти цитаты были единственным подтверждением суще-

* В основу статьи положен доклад на «Лосевских чтениях» (круглый стол от 21 октября), проходивших в МГУ 19–23 октября 1998 г. Опубликовано в сб.: Лосевские чтения. «Образ мира: структура и целое» // Логос. 1999. № 3. С. 40–52.

ствования некоего «Дополнения», вроде бы написанного Лосевым к книге «Диалектика мифа» (мифа, а не мира). «Диалектика мифа» была конфискована, «Дополнение» сгинуло¹, их автор подвергся аресту и к моменту публикации статьи Горького уже «перековывался» на Беломорканале. Там он и прочел в газете о себе и о том (это мы почитаем сегодня тоже — будет достаточно большая цитата), что им, Лосевым «сказано то самое, что ежедневно печатается в прессе политиканствующих эмигрантов, предателей трудового народа в прошлом, готовых предать его еще раз и завтра. Не считаясь с тем, что даже классовые враги Союза Советов признают факт культурного возрождения русской трудовой массы, профессор Лосев пишет: «Россия кончилась с того момента, как народ перестал быть православным. Спасение русского народа я представляю себе в виде “святой Руси”. Но что же такое, по мнению Лосева, представляет собою русский народ? Народ этот он характеризует так: «Рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по сознанию, обыденно скучны, подлы, глупы. Им свойственна зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничное самодовольство в невежестве и бездействии». Нечего сказать — красивенький народ! И если б профессор был мало-мальски нормальный человек, он, разумеется, понял бы, что из материала, столь резко охаянного им, невозможно создать «святую Русь», — понял бы и повесился. *Только идиот может оценивать “зависть к духовному” как порок.* Но профессор этот явно безумен, очевидно малограмотен, и если дикие слова его кто-нибудь почувствует как удар, — это удар не только сумасшедшего, но и слепого. Конечно, профессор — не один таков, и наверное он действовал языком среди² людей подобных ему, таких же морально разрушенных злобой и ослепленных ею. Что делать этим мелким, честолюбивым, гниленьким людям в стране, где с невероятным успехом действует молодой хозяин, рабочий класс, выдвигая из среды своей тысячи умных, талантливых строителей социалистического общества, в стране, где создается новая индивидуальность? Нечего делать в ней людям, которые опоздали умереть, но уже гниют и заражают воздух запахом гниения»³.

¹ Только в 1990-е гг. отыскались некоторые материалы, относящиеся к «Дополнению»; см.: *Тахо-Годи А. А.* От диалектики мифа к абсолютной мифологии // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 173, 177.

² Видимо, правильное было бы иначе — «среды». Но так напечатано и в газетах, и в тексте Полного собрания сочинений, то же «среди» обнаруживается, как мы увидим позже, и в архивном экземпляре статьи М. Горького.

³ *Горький М.* О борьбе с природой // Правда. 12.XII.1931. № 341 (5146). С. 3; см. также: Известия. 12.XII.1931. № 341 (4548). С. 2.

Странно, зачем понадобилась писателю какая-то «рукописная копия нелегальной брошюры», о которой никому ничего не известно, кроме, конечно, хорошо осведомленных «органов». Странно, что свое «лирическое», то бишь философское отступление он весьма искусственно и даже, можно сказать, поспешно внедрил в текст, отведенный пространством рассуждениям о задачах пролетарского государства в управлении стихийными силами природы (статья представляет собой отклик на Всесоюзную конференцию по борьбе с засухой, проходившую в Москве в начале ноября 1931 г.). Странны, наконец, сами эти резкие и уничижительные выпады в адрес автора предполагаемого «Дополнения», они весьма и весьма контрастируют с вполне уравновешенным и даже торжественным тоном остальной части статьи. Похоже, текст с этими выпадами именно вставлен, о чем недвусмысленно свидетельствуют заключительные строки, следующие сразу за текстом, приведенным у нас только что: «Я как будто уклонился от моей темы? Возвращаюсь к ней».

Невольно возникла мысль, которая, казалось бы, позволяла снять все или почти все подобные вопросы: а принадлежит ли весь пассаж о Лосеве перу Горького, не вставлен ли он неким безвестным «писателем», которому положено штудировать разного рода «нелегальные брошюры» по долгу службы? Эта мысль хотя и не подкреплялась, но и не отвергалась теми скудными данными, что несложно извлечь из общедоступного «Описания рукописей М. Горького». Данное академическое издание 1948 г. сообщает: оригинал текста «О борьбе с природой» представляет собой машинопись, подписанную автором (попробуй определи авторство, если в твоём распоряжении «машинка», пусть даже и с подписью), причем в ней — это уже обнадеживает, — содержится «незначительная правка Г<орького> чернилами и красным карандашом» и есть еще — может быть, вот оно, искомое! — «правка неустановленного лица»⁴. Что, интересно, поделывало это «неустановленное лицо» с рукописью классика?!

Делать нечего, нужно обращаться в Архив Горького и собственными глазами убеждаться, где чьи правки. Без особых трудов нам удалось подержать в руках рукопись за архивным номером ПСГ 2–18–1, это и есть «О борьбе с природой». И что же? Исправления «неустановленного лица» действительно наличествуют. Однако они не коснулись интересующих нас строк, да и характер их — типичная газетная редактурa косметического характера. Абзац же с текстом о Лосеве никак особо не выделен, это сплошная, без перерывов (от-

⁴ Описание рукописей М. Горького. Т. 1. Художественные произведения, литературно-критические и публицистические статьи. М.; Л., 1948. С. 585.

носителем предыдущего или последующего текста) машинопись. Но есть, есть-таки здесь правка, причем именно авторская! Строка, которую Горький собственноручно дописал поверх готовой машинописи⁵, передана у нас (см. выше) курсивом. Всякие сомнения рассеиваются: подпись в конце рукописи поставлена с полным правом, эти жутковатые формулировки принадлежат самому автору статьи, а если какие-либо из них и подсказаны (навязаны) со стороны, Горький с ними вполне, выходит, согласился.

Со стороны пришли, конечно, выдержки из «Дополнения», и к ним мы еще вернемся чуть позже, следуя хронологии поисков. Пока же еще есть что взять из архивных материалов. Под номером ПСГ 2–18–2 значится машинопись под названием «На борьбу с засухой». В ней содержится небольшой фрагмент, где тоже фигурирует имя Лосева, только «цитация» несколько меньше. Что ж, не пропустим и эту малость, почитаем. В очередном своем обобщении Горький рисует историю культуры как «по преимуществу процесс угашения разума буржуазным государством и его слугою — церковью», которым безразлична «жизнь и судьба трудового народа». И тут же: «На этот народ они смотрят глазами своего идеолога и представителя Лосева: «рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по созданию <в «О борьбе с природой» читаем — «по сознанию»>, обиденны, подлы <позднее — «обиденно подлы»>, глупы. Им свойственны <позднее — «свойственна»> зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничское <позднее — «циничное»> самодовольство в невежестве и бездействии»⁶.

Перед нами — первоначальный вариант статьи «О борьбе с природой». Точнее, текст под названием «На борьбу с засухой» фактически полностью перешел в данную статью, а единственному существенному изменению подвергся (в сторону значительного расширения) как раз фрагмент о Лосеве. Надо бы не забыть об этой неслучайной связи: усилив антилосевский выпад, Горький (вряд ли бессознательно) откорректировал и название своего опуса, придал ему более планетарный, если угодно, масштаб, и вместо частности «засухи» ему понадобилась глобальность «природы».

Сравнение двух редакций статьи, ранней и поздней, дает нам и еще одно важное наблюдение. Оно — о принципах цитирования, которых придерживался Горький. Как видим, при воспроизведении пяти строк одной и той же «цитаты» писатель с легкостью допустил четыре различия. Изменения слов вроде бы незначительны, трансформации

⁵ Архив Горького. ПСГ 2–18–1. Л. 4.

⁶ Архив Горького. ПСГ 2–18–2. Л. 4.

нереволюционны, но они все-таки есть, это факт. Чтобы кому-то не показалось, что речь идет о случайности, приведем еще пример из сравнения тех же архивных текстов. Ближе к концу статьи (статей) Горький ссылается на старую публикацию В. С. Соловьева по сходной — тоже о засухе, — тематике, и в одном случае эта публикация названа «Гроза с Востока», а в другом — «Враг с Востока»⁷. Близко, похоже, но не одно и то же. Словом, убеждаемся, что цитировал Горький весьма своеобразно, с регулярным внесением следов своего присутствия в чужие тексты. Об этой творческой особенности давно, надо сказать, ведомо горьковедом. Нам же эта довольно рутинная текстология понадобилась для того, чтобы самостоятельным трудом получить возможность утверждать: да, в специфическом прочтении Горького трансформация «Дополнения к “Диалектике мифа”» (название утраченной работы А. Ф. Лосева) в «Дополнение к диалектике мира» — через утрату внутренних кавычек и искажение одного слова, — выглядит вполне закономерной.

Впрочем, для случая статьи «О борьбе с природой» закономерны и типичны не только какие-то внешние особенности авторской работы с текстом. Статья характерна для Горького (точнее, для Горького 30-х гг.) и содержательно, прежде всего в откровенном выражении враждебности против интеллектуалов. «О борьбе с природой» размещается в длинном ряду себе подобных публицистических выступлений, полных издевательств и открытой ненависти к так называемым «умникам». Зачерпнем немного и из этого кладезя. Вот характерная дефиниция интеллигента, которая обнаруживается в уже упомянутой публикации «Об анекдотах и еще кое о чем» (1931): «По характеру своему они — в большинстве своем жулики, но по убеждениям гуманисты»⁸. Из статьи «Ответ интеллигенту» (тоже 1931) можно еще узнать, что «индивидуализм интеллигента XIX–XX вв. отличается от индивидуализма крестьянина не по существу, а только по формам выражения; он более цветист, глаже отшлифован, но так же зоологичен, так же слеп»⁹. Да, и крестьянство Горький тоже весьма не жаловал. Но не будем терять нить поиска и отвлекаться на развернутые комментарии. Заметим только (к этой теме еще предстоит вернуться), что для Горького «борьба с природой» естественно предполагала и подавление «звериных инстинктов» как интеллигента, так и крестьянина. И еще обращает на себя внимание узнаваемый мотив

⁷ Сравниваются названия из ПСГ 2–18–2, л. 7 и ПСГ 2–18–1, л. 6. Статья В. С. Соловьева на самом деле называется «Враги с Востока» (1892).

⁸ Горький М. Публицистические статьи. М.; Л., 1933. С. 310.

⁹ Там же. С. 245.

слепоты — вспомним, как сказано о Лосеве: «это удар не только сумасшедшего, но и слепого».

Много поучительного дает и статья «Об умниках» (1930). Ее окончательную версию можно отыскать в Полном собрании сочинений автора, к каковому и отошлем заинтересованных читателей, чтобы слишком не отвлекаться. В наш же сюжет точно укладывается чтение машинописи этой статьи, что хранится в Архиве Горького за шифром ПСГ 5–1–1. Вернее, обратимся к той заключительной части рассуждения об «умниках», которая по каким-то соображениям не попала в публикацию (абзац зачеркнут синим карандашом), однако покажется нам весьма знакомой: «Надо ли вспоминать о людях, которые исчезают из жизни медленнее, чем следовало бы им исчезать? Надобно, ибо они, разлагаясь, создают гнилостную атмосферу, способную отравлять не только людей молодых и честных, но невнимательно относящихся к действительности и слишком чувствительных к ее бесперемонным щипкам и толчкам»¹⁰. Строчки зачеркнуты, а мысль не пропала, как мы теперь знаем, она сгодилась в статье «О борьбе с природой» как раз для клеймения одного из «умников».

По правде говоря, совсем и не обязательно было заниматься изысканием в машинописи этой работы каких-то непосредственных следов «руки Горького». И без того ясно, что «нюансы» статьи декабря 1931 г. — не эпизод, не случай и не временное (к примеру, на момент чтения выдержек из какой-то «рукописной копии») помрачение. Такова была, увы, публицистика Горького 1930-х гг. вообще, Горького — автора формулы «если враг не сдастся, то его уничтожают» и апологета принудительной «перековки» непокорных «масс» в специализированных учреждениях ОГПУ.

С упоминанием ОГПУ переходим к следующему этапу наших разысканий вокруг статьи «О борьбе с природой». Здесь надо сказать, что вскоре после похода в Архив Горького своим чередом появилась возможность изучить «Следственное дело» А. Ф. Лосева¹¹ из Центрального архива ФСБ РФ. Этот многотомный документ содержит немало бесценных материалов, дающих новые штрихи к истории трагического (а по судьбам отдельных личностей судя — и героического) периода жизни нашего Отечества <...>. А для нашего небольшого и частного исследования истории статьи Горького важен такой факт: в «деле» содержится весьма обширный и с грифом «сов. секретно» на титуле «Материал о рукописи

¹⁰ Архив Горького. ПСГ 5–1–1. Л. 188.

¹¹ Следственное «Дело № 100256 по обвинению Лосева Алексея Федоровича и др.» в 11 т.

Лосева А. Ф. «ДОПОЛНЕНИЯ К ДИАЛЕКТИКЕ МИФА» (передаем название «Дополнения», вернее, «Дополнений»¹² строго по тексту первоисточника), его в июне 1930 г. составила — воспроизведем еще и неудобочитаемый титул, — «помощник начальника ИНФО ОГПУ» Герасимова (инициалы не указаны). Текст занимает 25 машинописных страниц и содержит большое количество цитат (или, скажем точнее, изложений) из канувшего в Лету «Дополнения». Само собой напрашивается вопрос, имеются ли в этом «Материале» те строчки, что уже известны нам по статье «О борьбе с природой». Ответ: имеются, но не все и не точно такие, какие вышли из-под пера Горького. В частности, в справке-реферате Герасимовой однозначно говорится о «рукописи», а не о «рукописной копии нелегальной брошюры» (заметим, что это далеко не одно и то же, тем более для ОГПУ), нет здесь и пассажа о православии и святой Руси. Зато строчки о «красивеньком, нечего сказать, народе» присутствуют, и мы воспроизведем их с необходимой подробностью, — они отыскиваются в том разделе «Материала», где излагаются взгляды А. Ф. Лосева на историю человеческого общества начиная с «античного рабовладательства». Последнее рассматривается как естественный строй, читаем в реферате, «равно желательный и необходимый для господ и рабов». О свободной части этого «рабовладательства» автор «Дополнения», по Герасимовой, пишет следующее: «Общество делится на два класса. Платон называет первый класс философами, второй — ремесленниками и земледельцами, то есть ПО НАШЕМУ, РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНАМИ (так в оригинале. — В. Т.). Философы — созерцатели идей, рабоче-крестьянская масса — послушная исполнительница философских созерцаний. <...> Философы и монахи — прекрасны, свободны, идеальны, мудры. Рабочие и крестьяне — безобразны, рабы по душе и сознанию, обыденно-скучны, подлы, глупы. Философы и монахи — тонки, глубоки, высоки; им свойственно духовное восхождение и созерцание, интимное умиление молитвы и спокойное блаженство и величие разумного охвата. Рабочие и крестьяне — грубы, плоски, низки, им свойственен вульгарный пафос мордобития, зависть на все

¹² К уже упомянутым вариантам названий («Дополнение» и «Дополнения») приходится присоединять еще один — «Добавления». Среди материалов, возвращенных в архив Лосева из Центрального архива ФСБ РФ, имеется машинописный лист с надписью «Добавления к книге А. Ф. Лосева Диалектика мифа и сказки» (здесь же красный штамп Главлита «не печатать»). Заметим, что «Диалектика мифа и сказки» — первоначальное название книги «Диалектика мифа». Судя по виду указанного листа, он являлся обложкой весьма толстой рукописи в несколько сот страниц.

духовное, гениальное и свободное, матерщина, кабаки и циничное самодовольство в невежестве и бездействии»¹³. Многое узнается, не правда ли? И, наверное, читателю уже поднадоела череда похожих (но всякий раз не совпадающих в деталях!) рассуждений о «рабах по душе и сознанию», потому придется предупредить, что к этой теме — правда, уже без прямого касательства к «Дополнению», но тоже с участием Горького, — мы обратимся чуть позже еще раз, уже последний. Для наших же задач «Материал» Герасимовой оказался безусловно полезен.

Конечно, можно весьма и весьма сомневаться в аутентичности самого этого реферата. Где тут Лосев и где за него написано, дописано либо вписано, поди теперь дознайся! Но если предположить, что данный «Материал» или некий производный от него текст все-таки лежал на столе Горького, то получается следующая весьма неприглядная картина: писатель не только понадергал из оригинала отдельные выражения и по-своему их отредактировал, он еще и намеренно сменил их адрес, область их приложения. В самом деле, из реферата Герасимовой ясно следует, что ругательные строчки о «рабочих и крестьянах» входили в характеристику античного общества, общества времен Платонова «Государства», тогда как Горький произвольно перенес их на характеристику русского народа и на времена лосевской «Диалектики мифа». Впрочем, сама Герасимова, закончив вышеприведенную цитату об античном обществе, от себя добавляет актуальную интерпретацию: «Совершенно ясно, что давным-давно истлевшие рабы античного мира не могли бы вызвать припадка такой живой ненависти у профессора Лосева», т.е. она вполне солидарна с Горьким. Конечно, помощник начальника находилась на службе, ее задача и состояла в увязке всяческих «материалов» с «текущим моментом» и «злостью (буквально) дня». А вот кому служил Горький?

Нам пока не известно, как и когда к Горькому попали из ОГПУ «справочные материалы» о творчестве А. Ф. Лосева. Их нет в фондах Архива Горького, как нет и в обширной библиотеке писателя ни одного издания из числа тех восьми знаменитых теперь книг, что Лосев успел опубликовать за 1927–1930 гг. Здесь — отдельный вопрос и самостоятельная линия разысканий (известно, к примеру, что после таинственной смерти Горького «компетентными органами» были сделаны изъятия в его бумагах). Зато относительно самого реферата Герасимовой точно известно, что он был размножен и рассылался «для информации» по различным адресам. Один такой экземпляр

¹³ Цит. по: «Так истязуется и распинается истина...» А. Ф. Лосев в рецензиях ОГПУ // Источник. 1996. № 4. С. 120.

обнаружился недавно среди документов ЦК ВКП(б)-КПСС (теперь они хранятся в Архиве Президента РФ) в фонде Е. Ярославского, откуда и был извлечен на свет Божий работниками архива и опубликован в журнале «Источник» (1996. № 4). Товарищ Ярославский еще поместил: «В папку к философской дискуссии»¹⁴. В свою очередь к дискуссии о путях покорения природы привлек свой «материал» и Горький — тут нет ничего странного или оригинального. Тем более, что ему не нужно было особенно привыкать к информационным услугам ОГПУ. Известно, скажем, из личной переписки Горького с Г. Ягодой (она недавно опубликована), что он сам просил присылать свежие вести из советской России к нему в Сорренто, дабы не стопорился творческий процесс. Так и сообщает в письме от 2 ноября 1930 г.¹⁵: «Пьесу о “вредителе” бросил писать, не хватает материала, вредитель выходит у меня ничтожнее того, каков он в действительности. Весною, в Москве, буду просить у Вас материалов!». Упомянутую пьесу, получившую название «Сомов и другие», он так и не дописал, а в Москве побывал с 14 мая по 18 октября 1931 г. и «материалов», видно, спрашивал¹⁶. Кстати, не после той ли поездки на Родину Горький привез с собой реферат Герасимовой?

Но наиболее известной «информационной услугой» была, конечно, поездка большой группы советских писателей во главе с Горьким по самой знаменитой стройке, ведомой ОГПУ, результатом чего явилась книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». Книга увидела свет в 1934 г. и была почти полностью конфискована и уничтожена через три года, когда карающий меч пролетарской

¹⁴ Там же. С. 116. Публикаторы почему-то забыли указать, что на препроводительном письме из Информационного отдела ОГПУ стоит дата (30 июня 1930 г.) и любопытная машинописная пометка, скорее всего свидетельствующая о «тираже» материала Герасимовой: «мн. 17 экз.».

¹⁵ Переписка М. Горького с Г. Г. Ягодой // Неизвестный Горький. М., 1994. С. 174.

¹⁶ И не выполнял ли потом Горький какой-то срочный заказ? Во всяком случае, статья «О борьбе с природой» публиковалась весьма оперативно. Вот некоторые данные по материалам Архива Горького: 4 ноября 1931 г. — датировка письма (КГ-П 80-3-9) из Москвы от С. Урицкого, сообщавшего о Всесоюзной конференции по борьбе с засухой и ее итоге — «природе объявлен большой бой», эта фраза подчеркнута красным карандашом Горького; 4 декабря — датировка письма (ПГ-рл 21а I 387) от Горького из Сорренто к П. П. Крючкову в Москву, где сообщается: «Посылаю две статьи с копиями» (составители горьковской «Летописи» считают, что имеются в виду «О борьбе с природой» и «об анекдотах»); 10 декабря — московский почтовый штемпель на данном письме; 11 декабря — дата резолюции редактора на полях наборной рукописи «О борьбе с природой»: «В корректуру сверить и дать в “Извест<ия>” по этому оригина<лу> и срочно его мне вернуть» (ПСГ 2-18-1. Л. 1); 12 декабря — выход статьи в «Правде» и «Известиях».

диктатуры снес голову одному из меченосцев и главных героев этой книги — Г. Ягоде. В коллективном труде тридцати шести авторов под редакцией славной «тройки» в составе Горького, Л. Авербаха и С. Фирина (первые двое тоже писали, а третий, не всякий знает, был начальником соответствующего исправительно-трудового лагеря) отыскивается много поучительного для историка советского периода русской литературы. Много поучительного, поразительного и страшного. И поражает даже не то, как натренированно и профессионально звучит писательский хор во славу «исправительного» рабского труда, страшно другое — сколь доверительными и сколь эпическими интонациями сдобрен сей опус, полна едва ли не каждая его страница. Трудно удержаться от воспроизведения, для примера, хотя бы фрагмента из описания приезда партии заключенных-«спецов» на станцию Медвежья гора, где в новом здании Управления Беломорстроя поместился лагерный Производственный отдел (где-то здесь в 1932–1933 гг. пришлось работать и А. Ф. Лосеву). «Ученые бреются, протирают очки, с удовлетворением видят, что столы такие же, как и в тех учреждениях, откуда их, ученых, взяли, и возле плоских чернильниц такие же деревянные ручки. Они берут ручку и покрывают большие белые пространства бумаги значками на различных языках. Они пишут книги, они пишут выводы, они совещаются, они щупают, ворошат эту страну, эти сивые валуны, озера, порожистые реки. Все это — реки, озера, топи — сжимается, стискивается, превращается в один клубок, чтобы этот клубок, сброшенный с песчаных холмов Медгоры, покатился к Студеному морю, оставляя за собой шлюзы, дамбы, водохранилища, дома, машины, самое главное — иных, чем прежде, инженеров и ученых. <...> Чекисты Медгоры смотрят с уважением на это ученое племя и хотя знают их души, но все же им кажется странным: почему, читая жизнь и технику жизни на многочисленнейших языках, эти ученые не прочли самого главного, что только социализм способен переделывать, исправить, выточить новый мир, новую землю, черт возьми!»¹⁷

¹⁷ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. [М.], 1934. С. 134–135. В один год вышло два варианта книги различного формата — сначала большого «подарочного» (тираж 4000 экз., сдано в печать 12 дек. 1933 г.), потом несколько меньшего (тираж 80000 экз., сдано в печать 13 сент. 1934 г.). Мы опираемся на экземпляр более позднего издания, а именно, на экземпляр за номером И 222 / 131 и со штампами прежнего «спецхрана» библиотеки и прежнего... австрийского владельца книги — Nationalbibliothek in Wien. Действительно, перед нами редкая книга, коли она вернулась домой как военный трофей!

Не выражают ли ключевые слова «социализм», «переделывать» (или в более расхожей формулировке — «перековывать») и «черт возьми» некий стержень отношений Горького и ОГПУ, не разъясняют ли они истинную суть устремлений писателя, обнаружившего в методах советской власти некую идеальную модель мироустроительства? Может быть, тогда и в самом деле исчерпывающе точны сказанные о нем слова С. Л. Франка — те, что прозвучали в журнале «Hochland» вместо некролога после смерти Горького: «чудовищное заблуждение, когда люциферовское отпадение от Бога снова принимает реальную форму, стало судьбой Горького»¹⁸. Нет, Горький не служил «органам» или в «органах», скорее «воспитательная» деятельность последних служила подтверждением не только мыслимости, но и возможности и даже своевременности «побед», о которых как раз сам-то он и чаял. Потому и был, наверное, вполне искренен, когда с восторгом писал во вводной главе («Правда социализма») упомянутой книги: «Быстрая победа над враждебной людям природой, совершенная дружным натиском тысяч разнородных, разноплеменных единиц, — изумительна, но еще более изумительна победа, которую одержали над собою люди, анархизированные недавней, звериной властью самодержавного мещанства»¹⁹. <...>

Заметим теперь, что Горький оставался верен идеям борьбы с природой (с Природой вообще) не только в пору собственной максимальной лояльности советским властям, когда те в свой черед отвечали максимально лестными оценками вроде такой: «лучший писатель нового человечества, как будто пришедший из коммунистического завтра»²⁰. Если достаточно внимательно читать горьковские «заметки о революции и культуре» — они объединены в сборнике «Несвоевременные мысли» 1918 г. издания, то нетрудно обнаружить и в этих, еще вполне оппозиционных по направленности и гуманистических по духу заметках уже известные нам мотивы. Автору «Несвоевременных мыслей» все так же ясно, что «высшая форма борьбы за существование, — борьба человека с природой», и смотрит он «на сознательного рабочего как на аристократа демократии» в противовес крестьянину, поскольку первый «не так зависит от стихийных сил природы, как зависит от них крестьянин, тяжкий труд которого невидим, не остается в веках», «тогда как труд рабочего остается на земле, украшая ее и способствуя дальнейшему

¹⁸ Hochland. 1935 / 1936. № 2. S. 569.

¹⁹ Беломорско-Балтийский канал... С. 12.

²⁰ Г. Ягода, Л. Авербах, В. Киршон, С. Фирин, А. Афиногенов и др. — Горькому // Неизвестный Горький. С. 184.

подчинению сил природы интересам человека». И весь «народ» России ему сильно не нравится уже потому, что тот традиционно не ценит лозунг «знание — сила» (а что еще, опять-таки, может «привести людей к победе над стихийными энергиями природы»!) и «вся жизнь которого строилась на “авось” и на мечтах о помощи откуда-то извне», для которого характерны «лень, семечки, социальная тупость» — да, разумеется, «и не следует любить народ таким, каков он есть» и не следует ничего хорошего ожидать от него, воспитанного «мелочно злобным и очень бесталанным <...> в рабстве, пьянстве, мрачных суевериях»²¹.

Читатель без труда обнаружит в данной характеристике много, слишком много совпадений с определениями относительно «рабочих и крестьян» (или, в прочтении самого Горького, относительно «русского народа») из текста «Дополнения». Мы, повторим, не можем говорить в точности, что и как написал на сей счет А. Ф. Лосев, а вот его критик — тот в свое время и в своем месте выразился именно теми словами, что воспроизведены. Может быть, поэтому столь резким и был выпад «своевременного» Горького 1930-х г. против автора «Дополнения», что ему что-то и как-то напомнило о прежнем Горьком, о Горьком времен «Несвоевременных мыслей».

Впрочем, главное состоит не в совпадениях, а в расхождениях. Даже если Горький и не знал А. Ф. Лосева и судил о его творчестве только по справочным материалам ОГПУ (достоверными данными в пользу обратного предположения мы не располагаем, хотя и видятся некоторые ходы дальнейших поисков²²), пересечение судеб этих двух личностей в случае статьи «О борьбе с природой» является вовсе не случайным. Столкнулись два мировоззрения, два проекта, две программы «преобразования» природы. В самом деле, какая идея победит? Та ли, что «способна обернуться безрелигиозной в своем существе, самовлюбленно-человеческой, фетишистски-науковерческой душой

²¹ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990 (репринт изд. 1918 г.). С. 141, 181, 80, 133, 254, 167, 169.

²² Горький вполне мог получать сведения о Лосеве от кого-то из своих многочисленных корреспондентов. В частности, проявляя значительный интерес к учению Н. Ф. Федорова о «восстановлении отцов» <...>. Горький активно общался с многими «федоровцами». А те, в свою очередь, весьма благосклонно относились к исканиям московских «имяславцев» и даже особо выделяли среди них А. Ф. Лосева — см. главу «об Имяславии» в статье Рафаила Мановского «Мессианство и “русская идея”. О потугах некоего философа» (рижский сборник «Вселенское дело», 1934. № 2. С. 92). Статья подписана псевдонимом, ее автор — Н. А. Сетницкий; выпад публикации направлен в сторону И. А. Ильина.

бездушно-машинной эпохи»? Или, наконец, станет понятным, что «борющееся “с природой” человечество есть само ведь тоже природа в глубочайшем смысле слова» и что «борется оно, не ниспровергая природу, а напротив, опираясь на нее, утверждая и прославляя ее». Но тогда, с необходимостью выходит, «преобразование и преобразование мира должно быть не борьбой с природой, а утверждением ее идеально-реального бытия».

Точные формулировки для этого противопоставления мы позаимствовали у Н. В. Устрялова²³, который не только много и плодотворно думал о проблемах исторического прогресса, но и явственно определил свой собственный выбор в пользу движения вслед за Лосевым, а не за Горьким. <...>

²³ Устрялов Н. В. Из письма // Вселенское дело. 1934. № 2. С. 164, 162.